

Часть первая

Глава 1

Чудовищно огромный город, целая планета, а не город, воздуха как будто нет вовсе, видно все очень далеко, и везде чудовищно высокие дома, в наростах, пристройках, но все выглядят как поставленные стоймя карандаши, как лес со срубленными вершинами, где были ветви, и в то же время нет ощущения современности или будущности — те же исполинские башни, но только вмещающие целые города!

Я пытался проследить взглядом за ближайшими домами вверх, на каждом этаже сотни крохотных огоньков в ряд, а этих рядов сотни и сотни, я задираю голову и не видел, куда уходят...

Таких домов тысячи тысяч, между ними рассмотрел прямое ущелье, через которое перекинуты широкие мосты, я ожидал увидеть реку, пусть она и намного ниже, но присмотрелся и ахнул снова, там такие же дома, такой же мир, и ущелье уходит вглубь, и там новый ряд домов.

Далеко от земли, почти на горизонте, прямо на глазах протянулись к небу две широкие полосы света, но не прямые, а изгибаются, как взбирающиеся по небосводу исполинские змеи, трижды коснулись одна другой, но ничего не произошло.

Постепенно от земли начали подниматься светлые струи, тоже изгибаются, не такие яркие и заметные, а весь небосвод из лилового стал ядовито-красным.

Сквозь красноту выступил некий полукруг, я напрягся, ожидая увидеть серп исполинской луны на полнеба, но когда присмотрелся, ноги ослабели, и я чуть не рухнул: полукруг оказался с мелкими зубчиками, эдакая изящная шестеренка, такие были в старинных часах...

Чуть позже сумел разглядеть это чудовищное колесо целиком, нижняя часть утопает в парах, поднимающихся из теперь уже лиловой земли.

Так, судя по детским впечатлениям, древние, что знали только механику, представляли устройство мира. Оно так и называлось тогда во всех трудах «Божественная Механика», а еще «Устройство Вселенной», когда под устройством подразумевалось именно механическое устройство...

Я огляделся наконец, огромное помещение, запах затхлости и заброшенности, как будто я в огромном складе, оставленном за ненадобностью много лет назад. Стены покрыты коричневым мхом, длинный ворс свисает до пола, а самый нижний слой так и вовсе лежит толстым валиком на месте плинтуса, словно протискивается снизу в щель между стеной и полом.

В дальней стене проем на месте двери, я ринулся в ту сторону, на той стороне улица. Широкая, совсем не средневековая, под ногами не земля, а сплошной камень, никакой брусчатки, просто плита, ощущение такое, что на этой плите весь город...

Город странно качнулся, словно нарисованный на огромном полотне, по которому пробежал легкий ветерок. Исполинские башни сдвинулись одна к другой, я застыл в страхе, но все вернулось, но теперь мое сердце

вообще едва не выпрыгивает, ощущение большой беды пришло и медленно вползает под кожу.

Люди то и дело показываются вдалеке, но не успеваю рассмотреть, все быстро тают, словно струйки горячего пара. Не уходят никуда, а просто на ходу исчезают. Не мгновенно, а именно тают, но только за две-три секунды.

Я с холодком увидел, что и появляются из ниоткуда, сперва бледная тень, затем молочно-белое тело, похожее на кокон, затем уже полностью человек, только все это за пару секунд.

— Эй, — сказал я дружелюбно и заулыбался пошире, человек с улыбкой вроде бы нравится всем, — привет, дорогие друзья!.. И не дорогие — тоже...

Никто не откликнулся, хотя пару раз я понимал, что видят, однако все проходят, быстрые в движениях и целеустремленные.

Испуганный еще больше, я пошел с оглядкой, впереди стена высотного дома без всякого перехода превратилась из сверкающего камня в нечто чудовищно странное: рыхлая пористая глина, как мне показалось, хотя все такая же высокая, вершина скрывается в лиловом низком небе, но из самой стены теперь торчат пучки травы, неопрятно и комьями.

Напрягшись, я прикоснулся к ближайшему стеблю, ничего не случилось, я осмелел и попробовал дернуть на себя. Пальцы соскочили, словно пытаюсь ухватить скользкую рыбину, но я с холодком понял, что даже не коснулся этого стебля, он словно окружен тонкой пленкой твердого воздуха.

Люди все видят меня, но лишь бросают взгляд и проходят мимо. От одного, слишком быстрого, я не успел отстраниться, он ударился в меня... так мне показалось, но через мгновение исчез, у меня оставалось впечатление сквозняка, пронзившего внутренности.

— Господи, — охнул я, — это что, я в мире призраков?.. Эгей, люди, вы живые?

Они продолжали сновать по своим делам, жутко сосредоточенные, с мрачными лицами, иногда все разом ускорялись, я едва успевал заметить, как все проскакивают из конца улицы в конец за доли секунды, но бывали моменты, когда весь мир замедлялся и все двигались едва-едва.

Я бродил, изо всех сил стараясь отыскать то, что пригодится или будет хотя бы зацепкой, но с холодком во всем теле понял, что весь их мир постоянно сокращается.

Город на самом деле не так уж и бесконечен, как показалось вначале, я прошел несколько благополучных кварталов, громадных и чудовищных, а дальше пошли те, что я назвал неблагополучными: все такие же нечеловечески громадные, но странно изуродованные чудовищными силами: оплавленные, с прожженными неведомой мощью в стенах дырами...

Мороз, что вздымает на моей шкуре волосы, пробирался под кожу и стал кусать суставы. Я почувствовал, что начинаю стучать зубами. Думал, что сейчас ночь, глядя на эту черную стену за городом, но сейчас увидел: если это и ночь, то вечная, абсолютная, после которой не останется ни материи, ни времени, ни пространства...

Эта ужасающая черно-лиловая стена приближается не так уж и медленно. На моих глазах коснулась каменных плит и металлических конструкций, начался распад, исчезновение, а потом все это поглотит Хаос, черный и... нет, даже не черный, просто хаос, в котором нет ничего, даже цвета, додумывается в моем запаниковавшем мозгу, который не может себе вообразить Ничто...

Среди прохожих внимание привлекла женщина,

немолодая, с бледным лицом и трагически расширенными глазами. Я смотрел на нее и не понимал, чем отличается от остальных. Наконец сообразил, что все как бы в одеяниях, а на этой одежда, различаю покрой и даже цвета, хотя и они переходят один в другой, но преобладает все равно серый, как у всех.

Она шла красиво и с гордой обреченностью во взгляде. Я засмотрелся, она даже не повела на меня глазом, но когда проходила мимо, наши плечи соприкоснулись...

...да, они прошли насквозь, но стегнула короткая резкая боль, будто занули там все нервы. А еще плечи прошли одно сквозь другое медленно и с трудом, как две толпы, бегущие резво друг другу навстречу, столкнувшись, долго расходятся, задерживаясь на каждом шагу.

Я услышал ее тихий вскрик, она обернулась и остановилась, глядя на меня расширенными глазами. Я тоже замер, боль быстро утихает, но незнакомка явно видит по моему лицу, что и для меня наше столкновение не прошло незамеченным.

Я вскрикнул торопливо:

— Наконец-то!..

Она пошевелила губами, но я ничего не услышал, она поняла по моему лицу, что ее слова остались в ее мире, заговорила отчетливее, но я видел только двигающиеся губы.

— Давай еще!.. — крикнул я. — Старайся!.. Я же вижу... между нами почти нет помех...

Мне казалось по ее обреченному лицу, что она осознала тщетность попыток, вдруг решительно взяла меня за руку.

Боль стегнула по нервам, и тут же я услышал:

— ...за нами... сколько вас...

По моему лицу она поняла, что у нее получилось, отдернула руку, лицо ее стало бледным.

Мимо все так же ходят люди, в нашу сторону никто и не смотрит, разве что кто-то проходит совсем рядом, все серые и все больше похожи на призраков.

— Я один! — крикнул я, хотя уже начал понимать, дело не в мощности вопля, но все равно старался докричаться. — Я пришел... не отсюда!..

Она снова взяла меня за руку, я догадался по ее лицу, что меня она слышит и без телесного контакта.

— Откуда?

И снова отдернула руку, на лице появилось выражение отчаянной надежды.

Я ответил уже без крика, это о победах кричим, а о беспомощности шепчем:

— Из своего мира! Но... как... не знаю!

Она ухватила меня за руку и почти сразу отдернула, успев спросить:

— Там война?

— Нет, — ответил я уже громче. — Поднимаем хозяйство, экономику, промышленность... Ты меня понимаешь?

— Да, — ответила она, прикоснувшись к моей руке одними кончиками пальцев. — Да!.. Как хорошо!

— Что хорошего? — спросил я. — Здесь все гибнет?..

— Последний бастион, — сказала она быстро. — Порождение Хаоса пожирает наш мир... Все потеряли надежду и смирились... Я тоже... Но появился ты...

— Я не спасатель, — ответил я. — Я сам не знаю, как меня сюда занесло...

Она встрепенулась:

— Занесло? Значит, это у вас есть?

— Но работает криво, — ответил я. — В грозу был сбой, вот и занесло не знаю куда...

Ее глаза заблестели восторгом, щеки покрылись румянцем, она вскрикнула счастливо:

— Значит, у вас все есть... А я смотрела на твою одежду дикаря...

— Это дань предкам, — сообщил я. — Традиции надо чтить. Но все равно я не представляю, как мне обратиться обратно. Там я, понимаешь ли, важное лицо, уже отвык своими ручками... а сервы на что, спрашиваю?

Она опять коснулась меня одним пальчиком, почти не поморщилась, сказала торопливо:

— Быстрее ищи!.. Это спасет не только тебя!

— А что здесь случилось? — спросил я.

Она сказала так же быстро:

— Не бойся, мы не заразные!.. Когда начался... наши Великие Маги... но только наш город... источники иссякают... гибнут... Хаос пожирает пространство...

— Значит, — предположил я, — вы сумели переместить во времени целый город?.. Круто...

— Осталось несколько кварталов, — объяснила она, — да и те...

— Ясно, — сказал я. — Что делать будем?

Она прокричала:

— Беги за мной!

Двигалась с такой скоростью, что я хоть и понесся, как олень, удирающий от сэра Растера, но она дважды останавливалась, ожидая меня в нетерпении, наконец вскрикнула:

— Ты что, потерял спайд?

— Я даже не знаю, — прокричал я, — что это!

Она показала на браслет, плотно охватывающий ее запястье.

— Такое!

— Откуда, — сказал я, запыхавшись, — у нас другие технологии магии! Более продвинутые как бы!

У здания с обугленной стеной под ногами сухо захрустело, она ловко вбежала в искореженный проем, где навстречу торчат ощеренные обломки конструкции.

Мне показалось, что здание вот-вот рухнет, уже покачивается и скрипит, как трухлявое дерево, здесь внизу все разрушено, а сверху давит страшная тяжесть...

Она выглянула, в нетерпении протянула ко мне руку, но я и так знал, что хочет облясть за черепаховость, нагнулся и протиснулся в щель, чувствуя, как вот-вот меня раздавит, как муху.

В холле все разрушено в том смысле, что сожжено, испепелено, затем восстановлено, снова сожжено, и так несколько раз, дико смотрится на стене грубо вытканый гобелен со сценами охоты на мамонта, а рядом изысканный подсвечник из чего-то настолько странного, что я мог бы предположить, что это овеществленное время или спрессованные бозоны.

Вместо свечей жарко горят столбики света, такого же размера, как и свечи, однако не могу предположить, как можно яркий луч света обрезать так аккуратно: вот до этого места светит ярко, а дальше его просто нет.

Она яростно разбрасывала полуразрушенное, выскочила в другую комнату, там гремело и трещало, я услышал яростный вскрик:

— И здесь... тоже!

Мы выбежали и понеслись дальше, я запыхался, в боку колет, непонятно, что она ищет и на что надеется, но в то же время она единственная, с кем могу хоть как-то.

Я старался не отставать, прокричал на бегу:

— Тебя как зовут?

Она крикнула, не оглядываясь:

— Хиксана Дэйт!

— Хорошее имя, — крикнул я. — Красивое... Бизонов Хикса ты придумала?

Она не ответила, впереди квартал под натиском хаоса тает на глазах, пусть не так быстро, как глыба сахара в горячей воде, но все же метаморфозится, ибо дома то ли так устроены, то ли по структуре своей должны уметь саморемонтироваться, но я видел удивительную вещь, как великолепное здание из перестроенного пространства или времени, я так и не понял, под натиском Хаоса стремительно менялось, теряя с фасада украшения, но ощетинаясь бронированными плитами, сверкающими щитами плазмы...

В одном месте изнемогающий дом из белоснежной стены сделал грязную и ржавую монолитную плиту от основания и до крыши, без окон и малейших выступов, превратившись в несокрушимую цитадель, так показалось мне, но чувствами я понимал с горечью, что Хаос не остановить...

Однажды увидел еще более удивительное: волна хаоса отхлынула на время, отодвинутая каким-то космическим течением, и тут же в мертвом пространстве начали стремительно вырастать стены дома, сразу с защитными щитами, дикого вида излучателями и трансформаторами материи, однако Хаос подступил снова, как девятым валом безбрежный океан, стены дрогнули и начали крошиться, таять, превращаясь в пар, в ничто...

В стороне дома-башни наклонило вовнутрь квартала, я присмотрелся, понял, что не только дома, сама земля на краях приподнялась, а страшное лиловое небо, как отражение земли, закрывает квартал таким же куполом, уже начинает крушить высокие гордые шпили.

Некая чудовищная сила сворачивает пространство в тугую ком, этот квартал, похоже, последнее из их мира...

Ноги мои стали ватными, я замедлил бег и приготовился остановиться, но Хиксана оглянулась, лицо разъяренное.

— Быстрее!

— Там нас накроет, — крикнул я жалко.

— Здесь тоже!

Я подбежал трусцой к ней, прохрипел, задыхаясь:

— Что ищем?

Она несколько раз открывала и закрывала рот, я не слышал ни звука, хуже того, она сама начала таять, но заметила ужас на моем лице, собралась и, вернувшись в прежнюю форму, проговорила:

— Святи... ли...

Я сказал быстро:

— Святилище?.. Убежище?

Она прислушалась, какие-то мои слова все-таки прорываются в ее мир, она замедленно кивнула.

— Да... Не отставай!

Еще вбегая в помещение, я ощутил по сильнейшему покалыванию по всему телу, что здесь перенасыщено чудовищной энергией, для меня это подобно радиации, разрушающей клетки тела.

Я крикнул в тревоге:

— Здесь смертельно опасно!

Она, не отвечая, пинком разбила ящик, казавшийся мне несокрушимым, он разлетелся вдрезг, но обломки еще не успели упасть на землю, как она схватила широкий, тускло поблескивающий металлом пояс с очень широкой круглой пряжкой, закрывающей живот.

— Вот! — вскричала она победно. — Это сработает!

— Что? — крикнул я. — Мне больно, я ухожу!..

Она ухватила меня за руку:

— Сожми меня крепче!

— Может, — крикнул я, — не здесь?

— Дурак, — крикнула она яростно. — Быстрее, дикарь!.. Все рушится!

Над нами раздался треск, повторился, я в ужасе ощутил, что здание не выдержало своего чудовищного

веса и рассыпается на глыбы, которые уже набирают скорость...

Я ухватил ее, сжал, преодолевая боль во всем теле. Вспыхнул свет, я успел увидеть, как здесь в ускоренном свете все рушится, а затем черные волны Хаоса дробят и превращают в ничто даже время и материю.

Глава 2

Свирепый удар подошвами о твердое. Я вскрикнул от боли в пятках и упал, покатился. Обеими руками прижимаю к груди красное платье, а еще тихо звенят покотившиеся по полу кольца и браслеты.

В голове туман, перед глазами пелена, однако это мой кабинет в Савуази. На пол опускается легкий пепел, в воздухе легкий аромат ее волос, но все, что осталось от странной женщины, — платье, пояс и украшения.

Во всем теле странная ноющая боль, словно каждая клеточка зудит и требует, чтобы ее почесали, да не просто так, а поскребли остервенело ногтями. Суставы словно бы распухли, и я долго лежал на полу, уговаривая свой организм постараться, а я отблагодарю, накормлю и напою, как голодного кабана...

Дверь с треском распахнулась, словно в нее ударил астероид. Влетело огромное черное тело, я не успел пикнуть, как насело сверху, теребило, катало по полу, облизывало и пинало твердыми, как копыта, лапами.

— Бобик, — прохрипел я, — ну ты и слон... раскормили все-таки... поубиваю...

Он слез, но скакал вокруг так, что не ухватиться, пришлось подползти на четвереньках к стене и подняться, цепляясь за нее, как плющ.

Переведя дыхание, подобрал платье, пояс, браслет

и даже кольца, что старательно и с недоумением обнюхивал Бобик.

— Пока что спрячем, — пробормотал я. — И ты никому, понял? Пусть у сэра Вайтхолда не возникает лишних вопросов. Надо трудиться аки пчелка божья и не ломать голову над тем, над чем даже боюсь задумываться.

В коридоре послышался тяжелый топот, звон металла. Я приосанился, сделал нужное выражение лица за секунду до того, как в распахнутые двери заглянули несколько встревоженных лиц.

Я сказал утомленным голосом государственного деятеля:

— Да, собачка прибежала. И как вы угадали?.. Закройте двери.

Двери поспешно и с великой осторожностью приотворили, по ту сторону началась приглушенная суматоха, а я вынул руки из-за спины и рассматривал браслет.

Удивительно легкий, странный металл, весь из таких мельчайших звеньев, что скорее их угадываю, чем вижу. Растягивается так, что можно бы и на ногу слона, я попробовал надеть на руку, обхватило плотно, словно на меня и делали, и только тут я спохватился, осторожный такой на лестнице, что если он из другого мира, то как бы и я не того, вслед за Хиксаной Дэйт...

...с другой стороны, вещи уцелели, переход из одного мира в другой разрушил только сложные структуры. Я уцелел, видимо, за счет регенерации, хотя, возможно, сработало что-то еще, но сейчас важно то, что я успел вовремя выскочить из гибнущего колдовского мира.

Бобик понюхал браслет достаточно равнодушно, на меня поднял взгляд детских коричневых глаз в недоумении, дескать, что такого в нем интересного?

Я несколько раз вздохнул глубоко, с опаской по-

смотрел в зеркало. Лицо бледное, волосы дыбом, в глазах страх, даже губы подрагивают, в таком виде надо прятаться в темной комнате под одеялом, иначе репутация будет испорчена безнадежно.

Осваиваясь и напоминая себе, что я здесь и никто с меня моих обязанностей не снимал, я пригладил волосы, еще раз посмотрел в зеркало, достаточно ли напустил на себя выражение государственной значимости.

Стражи выпучили глаза, это уже не те, что заглядывали, зато вышколенные Гиллебердом слуги у стены напротив даже не вздрогнули, только поклонились и застыли в таком положении.

— Вольно, — сказал я. — Вайтхолда ко мне. Быстро!

Вайтхолд вошел привычно осторожно, все время помня, что теперь он — правая рука, по крайней мере, во дворце, за это время похудел еще больше, его прежняя сухощавость переходит в аскетичность, но лицо серьезно, а взор прям.

Остановился с поклоном и ждет не двигаясь, пока Бобик обнюхает и сообщит, что чист. Я все еще собирався с духом, сердце начинает колотиться, как только вспомню, из какого ужаса выскочил, хотя всего лишь шкурку подпалил, ничего серьезного.

— Барон, — сказал я сумрачно, так легче скрывать, что иногда все еще потряхивает.

— Ваша светлость...

— Ваше высочество, — уточнил я. — Теперь можно так, ибо расту, расту. Так что кому-то придется кланяться еще на дюйм ниже. Но для вас я — сэр Ричард, как и для всех друзей. Что-то вы похудели... Не пугайтесь, это я отеческую заботу проявляю таким странным образом. Как вижу, город и даже дворец еще не подожгли, хвалю. Что-то за это время особенное случилось?

Он смотрел исподлобья.

— Нет, но...

— Но что?

— Вы же прибыли, — сказал он несколько настороженно, — теперь начнется... Народ собрать?

— Вы читаете мои мысли, — восхитился я. — Это опасно.

— Только это займет время, — предупредил он.

— Почему? — удивился я. — Они же раньше спали прямо во дворце! Или уже нашли себе теплые постели в других домах?

Он посмотрел с неодобрением:

— Ваша свет... ваше высочество, какие постели? Сейчас уже полдень. Это ландесфюрсты до обеда могут...

— Могут, — согласился я. — Хорошо, что я не какой-нибудь там ландесфюрст или вообще гроссфюрст!

Он посмотрел на меня опасно.

— А кто вы на этот раз, ваше... то самое? Уж не Господь ли сразу?

— Нет, — ответил я скромно, — и даже не папа римский. Я — гранд королевства Варт Генц! А ландесфюрстов всяких заставим арбайтэн, арбайтэн, нечего им спать... Кстати, пригласите тогда уж и лордов Вигфрида и Агтельстана.

Он вздрогнул.

— Господи, а их зачем?

— Герцоги же, — объяснил я.

Он в недоумении развел руками:

— Ваша свет... тьфу... ваше вели... ой, ваше высочество... о, вроде верно, ваше высочество! Ага, точно попал!.. Но они же сражались и после того, как Гиллеберд был убит!.. Не опасно ли?

Я сказал недовольно:

— Опаснее, когда сидят, как хомяки в норах. Пусть работают, а не заговоры заговаривают.

Он насторожился:

— Есть сведения?

— О заговорах? — уточнил я. — Нет, но если людям нечем заняться, то либо по бабам, либо революцию... Чем-то надо загрузить, раз уж почему-то живы, и по-прежнему это они владеют огромными богатствами, а не мы.

Он кивнул:

— Хорошо. Герцог Вигфрид, кстати, здесь, в Савуази, по каким-то делам.

— А второй?

— Ательстана, — ответил он, — искать надо в его владениях, а те по всей стране...

— Подумать только, — сказал я враждебно, — богаче короля!

Он посмотрел в недоумении, не понимая, в каком месте смеяться, все-таки у многих лордов земельные угодья больше королевских, да и сами они побогаче, что вполне естественно. Королями становятся не по размеру земель.

— Что-то еще? — спросил он. — А то у меня бумаги на подпись...

— Пока все, — ответил я. — Вели собраться и давай пока бумаги. Посмотрю, какие схемы придумал для разворывания моей... гм... народной собственности. И отмывания незаконно собранных налогов.

Он посмотрел с недоумением.

— А мы их разве собираем?

— Будем, — пообещал я зловеще.

— Тогда и придумаем, — ответил он. — Схемы.

— Какие?

— Разные, — пообещал он.

— Ничего разворывать не будем, — твердо сказал я. — Мы ж не президенты какие на два срока! Мы — короли, а какой дурак у себя ворует?

...Народ собрался к вечеру, довольно именитый народ, я из окна видел, как во двор влетел на горячем коне диковатого вида Каспар Волсингейн, с ним двое горцев, тоже в накидках мехом наружу, лохматые и звероватые, но под шкурами видны добротные кольчуги.

Оба соскочили на скаку, ухватили коня виконта под уздцы, а тот спрыгнул легко и пошел к главному входу.

Барон Саммерсет прибыл вместе с виконтом Рульфом, оба сосредоточенные, но оживленные, сразу начали шарить взглядами по окнам. Баннерный рыцарь сэра Геллермин прибыл в одиночку, кстати, надо бы ему хоть виконта дать, а то один из моих приближенных, и все еще безтитультный...

Земля задрожала, когда на полном скаку пронесся в сторону дворца от ворот всадник на огромном тяжелом коне, каждая нога толщиной с дерево, грива настолько густая и длинная, что просто нечто эпическое, хвост не уступает, да что там грива и хвост, ноги от копыт и до колен тоже укрыты густыми волосами.

Он покинул седло солидно, высокий и широкий, весь в металле, только забрало поднято, передал, не глядя, повод коня в чьи-то руки и пошел неспешными широкими шагами.

В кабинете хлопнула дверь, я обернулся, сэра Вайтхолд уже стоит на пороге, очень сдержанный и правильный.

— Ваша ми... — проговорил он и торопливо ударил себя по губам, — что это я говорю? Ваша све... ваше святей... ага, ваше высочество, вот снова не сразу попал!.. Кого из местных тоже?

Я сказал хмуро:

— В Турнедо у нас, как видите, дорогой друг, ситуация с этим хуже некуда. Это в Сен-Мари сразу нашли

сторонников... В общем, кроме лордов Вигфрида и Агтельстана, которые могут и не прийти на зов, кликните еще Бальзу и Ортенберга.

На его лице отразилось отвращение.

— Насчет Ортенберга еще понимаю, но Бальзу...

— Он и мне весьма неприятен, — признался я. — Но если уж взвешивать их по полезности, то Бальза куда более ценен. Мы с вами в таком муравейнике, что как нас еще не загрызли!

Он возразил с неудовольствием:

— Но мы же управляем?

— Мы?

Он поправил себя:

— Как-то же все идет?

— Заслуга Гиллеберда, — сказал я. — Надо же, можно половину деталей сломать, что мы и сделали, а машина все еще работает! Вот это прочность.

— Готовился к войне, — сказал он понимающе, — вот и учел. Но что-то вы все чаще этого врага хвалите...

— Похваливая противника, — сказал я мудро, — косвенно хвалишь себя.

Народ, очень даже вельможный народ, собрался сперва внизу в большом зале, а потом сэр Вайтхолд спустился к ним и торжественно сообщил, что его высочество гранд Варт Генца милостиво приглашает их в малый зал на второй этаж, где король Гиллеберд обычно проводил совещания.

Заинтригованные, они поспешили наверх по широкой лестнице, я видел, как торопливо переговариваются, выспрашивают у Вайтхолда, однако тот с верблужьим выражением вечного покоя смотрит на них сверху вниз, только на Клементу Фитцджеральда с его ростом не удастся, как жаль, но тот ошарашен не меньше других.

Я торопливо вернулся в мой кабинет, он сразу за дверью, но туда пускаю лишь самых избранных и не такой толпой. Слышал, как они входят, и хотя в комнате широкий стол на двенадцать персон и кресла с обеих сторон, однако никто не садится.

Бальза на своем месте хорош, когда я вышел из кабинета и пошел по короткому коридорчику к малому залу, церемониймейстер громко и вдохновенно прокричал:

— Его высочество Ричард!

Еще громче и торжественнее пропели трубы, это на всех этажах сейчас знают, что сэр Ричард куда-то пошел, надо прятаться. Или, наоборот, постараться попасться навстречу и поклониться особенным образом, вдруг заметит.

Я вошел быстро и решительно, в зале под обеими стенами стоят мои и не мои вельможи, впрочем, все мои, даже если еще об этом и не знают.

Они разом поклонились и застыли в этом положении.

— Лорды, — сказал я.

У трона я остановился, медленно повернулся к ним лицом. Они начали распрямлять спины, на лицах готовность слушать меня, какую бы чушь ни понесло мое уже высочество, и я, окинув всех тяжелым державным взглядом, медленно опустился в кресло.

Рядом с моими лордами стоят, почти соприкасаясь рукавами, но не смешиваясь, лорд Вигфрид, Бальза и Ортенберг. На их лицах тщательно скрываемое недоумение, благородные люди не выказывают такие примитивные чувства так уж открыто.

Я сказал властно:

— Надо бы послушать сперва всех вас, что тут и как без меня, но, вижу, особенных изменений не произош-

ло, что кого-то радует, а меня... не очень. Но тогда сообщу некоторые новости я.

На их лицах все то же выражение настороженного внимания, только лорд Вигфрид бросил осторожные взгляды по сторонам, как бы еще раз стараясь понять, почему он здесь.

— Могущественные лорды Варт Генца, — сказал я, — снова пытались уговорить меня принять королевскую корону!.. Я отказался еще раз, однако сердце мое неспокойно, ибо у них вот-вот снова вспыхнет гражданская война. Вон лорд Вигфрид злорадно улыбается, я его понимаю, но все-таки давайте зароем топоры войны!.. Им надо помочь, а не вредить. Мы же христиане?..

Сэр Клемент прогудел осторожно:

— Ваша свет... тьфу, ваше высочество... не на вас, это я вообще, но чем помочь можем мы?

Вигфрид пробормотал:

— Да и зачем?

— Титул гранда, — сказал я, — и все атрибуты этого звания мне вручили после того, как я согласился принять верховную власть в Варт Генце. Нет-нет, не королевскую! Я согласился управлять Варт Генцем в течение года. Правда, я выговорил практически абсолютную власть, так как для предотвращения гражданской войны и вывода страны из экономического кризиса меры должны быть быстрыми, жесткими и решительными. Здесь потерять день — потерять все. Потому я имею право действовать, не собирая советы мудрецов. Правда, через год я отчитаюсь...

Я видел на их лицах тревогу и сочувствие, Клемент проговорил тем же тяжелым низким голосом:

— Но если что не так... Хотя вы все сделаете правильно! Вас не упрекнут...

— Надеюсь, — ответил я так, чтобы все слышали и

скрытую тревогу, неуверенность и колебание. — Но справляться я намерен с вашей помощью.

Они смотрели с тем же сочувствием, и только на лице Бальзы проступило новое выражение.

Клемент шевельнулся, но раньше него преданно сказал барон Саммерсет ясным голосом верного васала:

— Все, что понадобится! Только прикажите!

— На ваши плечи ляжет, — сказал я, — прием новобранцев из Варт Генца. Срочно стройте военные тренировочные лагеря, обучайте обращаться с оружием. Сэр Клемент!

Клемент, выпятив грудь, сделал громыхающий шаг вперед.

— Ваше высочество?

— На ваши плечи, — сказал я, — ляжет снабжение их доспехами, конями. И обучение, конечно.

— Слушаюсь, — прогрохотал он.

Некоторое время я продолжал раздавать указания, распределял обязанности, наконец увидел, как шевельнулся застывший было столбом лорд Вигфрид.

— Ваше высочество, — спросил он учтиво, — можно вопрос?

— Для того и собрались, — ответил я. — Все неясности утрясем прямо сейчас!

— Ваше высочество, — повторил он, и я чувствовал, как он произносит эти слова, прислушиваясь к их звучанию, сложил оружие он к ногам курфюрста, а тут уже гранд, а мои соратники приняли это как должное, никаких криков восторга. — Ваше высочество... а зачем нам их обучать?

— Ученье — свет, — сказал я.

— Но... чтобы снова напали?

Ортенберг сказал негромко в поддержку лорда:

— Вы ведь там только на год?

— Все верно, — согласился я. — Через год я уйду. Но та земля останется к нам дружественной! Разве за год мы не сумеем это сделать?.. Посмотрите на Бальзу!.. Он уже не сомневается и уже прикидывает, как связать наши королевства неразрывными узами!

Все обратили взоры на эту гору жира, Бальза торопливо поклонился и вскричал тонким пронзительным голосом:

— Ваше величест... ой, простите, ваше высочество!.. Конечно же, я сегодня же начну договариваться, какие рудники мы у них начнем разрабатывать в уплату за обучение и новобранцев!.. И еще, раз уж вы там гранд, то по той части реки, что проходит через их земли, можно будет пустить наши корабли с товарами и лесом без всяких пошлин и сборов...

Я кивнул, вскинул руку, прерывая:

— Хорошо, хорошо, даже отлично! Так все и сделаем. И кое-что еще, но эти мелочи обговорим потом. Главное же сейчас...

Лорд Вигфрид кашлянул, все обратили на него взоры, а он спросил очень вежливо:

— Ваше высочество, но если война кончилась, зачем готовить новую армию? Потери вартгенцев были не столь уж велики. Пополнять можно обычным порядком, добирая людей в уже существующие отряды...

Все обратили взгляды ко мне, у всех в глазах тот же вопрос. Я сказал с чувством:

— Вы добрый христианин, лорд! И вы не хотите войны, как и все мы. Обещаю вам, войны между Варт Генцем и Турнедо больше не будет! Но если бы все остальные люди и народы последовали нашей миролюбивой политике... Однако на островах в океане разрастается Великое Зло, что время от времени запускает щупальца в наш мир и пытается отравить его своими отвратительными миазмами. Я получил от папы рим-

ского благословение на святой крестовый поход во имя Христа за веру, за церковь, за свободу, за недемократические ценности всех людей на свете!

Глава 3

Они смотрели сперва ошалело, потом глазки заблестели, на лицах начало проступать выражение понимания и поддержки.

Герцог пробормотал:

— Великое дело затеяли... Пронести по всему миру святыне недемократические ценности. Под силу ли?

— Мы не узнаем, — ответил я, — пока не попытаемся. Разве вам не хочется повести победную армию на гнусный развращенный Юг, где правят одни мерзкие колдуны?..

— Ну... об этом даже мечтать не решаемся.

— Юг далеко, — возразил Ортенберг, чуточку осмелев.

— Все сперва кажется далеким, — изрек я мудрость, — а начнем мы хотя бы с островов, откуда недавно был такой невиданный натиск всякой мрази. Мы бы не выдержали, скажу честно, если бы не подоспели две армии из Турнедо!

Вигфрид спросил с недоверием:

— Рейнграфа Чарльза Мандершайда и стальграфа Филиппа Мансфельда?

Я кивнул:

— Верно.

— Я слышал, — пробормотал он ошарашенно, — что они прошли туда, куда намеревались... но уже как ваши подданные, но не поверил сперва...

— Они покрыли себя неуязвимой славой, — подчеркнул я. — Реабилитировали себя как искусные пол-

ководцы и военачальники. Население королевства Сен-Мари встретило их как героев и спасителей! Рейн-графа и стальграфа местные вельможи засыпали дарами, солдат разбирали по домам, поили, кормили и тоже совали им подарки, ибо там королевство очень богатое.

Он завистливо вздохнул:

— Им просто повезло оказаться на южном направлении фронта.

— А если бы вы там оказались? — спросил я с интересом. — Воспользовались бы моим предложением?

Он подумал, покачал головой:

— Вряд ли.

— Ну вот, — сказал я, — значит, дело не только в везении. Победа над пиратами говорит о том, что мы очень вовремя успели управиться здесь. Если бы затянули еще на пару дней... королевство Сен-Мари было бы захвачено! И нам выход к океану отрубили бы.

Он спросил с сомнением:

— Но... как выйдем даже после такой победы?

Я сказал усталым голосом:

— Вам подробно расскажут о небывалом флоте, который я строю в Сен-Мари на берегу океана. Эти гигантские корабли легко пересекут океан, им не страшны бури и штормы. И на каждом корабле поплывет не меньше тысячи солдат, которые смогут разместиться со всеми удобствами.

Он вскрикнул:

— Таких кораблей не бывает!

— Первые уже построены, — сообщил я. — Сейчас новые люди обучаются ими управлять. Скоро флот будет готов выйти в море и задать всем жару.

— Господи, — проговорил он.

— Нужно, — закончил я, — чтобы к этому времени

были готовы и мы. Не вы лично, это ваше решение, я так, вообще.

Он застыл и смотрел на меня, не зная, что сказать, но по мучительно искривившемуся лицу любой догадается, что перетерпевшему унижение и позор сдачи в плен страстно хотелось бы как-то реабилитироваться в победных боях, как получилось у двух командующих армиями на южном фронте.

Я сказал дружески:

— Давайте забудем, что мы недавно были противниками. Война окончена, перевернем эту страницу. Турнедо живет, экономика после небольшого спада рванулась вверх. Не в последнюю очередь, как вон наверняка заметил наш Бальза, из-за того, что с грохотом рухнули таможенные барьеры на пути со странами-противниками. Так что, по большому счету, Турнедо в этой войне выиграло!

Герцог покачал головой, экономика его не касается, а вот возможность снова принять участие в войнах и очистить свое имя наверняка уже долбит темя.

— Ваше высочество, — произнес он вежливо, — располагайте мною. Я могу принять участие в строительстве лагерей на своих землях и дам лучших своих командиров для обучения.

— Прекрасно, — сказал я обрадованно. — Прекрасно!

— Хотя я не уверен...

— Вы работаете на свою страну, — перебил я. — А приносить мне присягу верности я не требую.

Он поклонился, но голос его прозвучал озадаченно:

— Вы странно... щедры. И непонятно великодушны...

Я отмахнулся:

— Не люблю никого принуждать, лорд Вигфрид. Со мной здесь все добровольцы, не заметили?

Он посмотрел по сторонам на добровольцев-бес-

сребреников, что, придя за мной, ничего не получили, кроме земель, титулов и богатства, а это вообще для мужчин неважно, хотя со стороны бывает завидно...

— Благородные люди, — согласился он. — Ваше высочество, повторяю твердо и неколебимо, вы можете на меня рассчитывать!

— Спасибо, дорогой герцог.

— Я не буду отсиживаться в своих землях, — сказал он. — А если и поеду по делам, то вызывайте при первой же необходимости.

— Спасибо, — повторил я. — Вы увидите, с нами соскучиться невозможно. На всякий случай, если кто из местных не в теме, сообщаю, флот строится ускоренными, да, темпами. Все королевство проливает пот и слезы на ударной стройке столетия!.. Отстояв от пиратов гавань, мы прорубили окно в океан, но когда из бухты выйдет наш великий и могучий, считайте, что окно расхренякали до размеров двери, куда и верблюд пролезет, что зря пытался через игольное ушко..

— А команды откуда? — спросил Вигфрид. — Управлять такими махинами, как вы рассказали, это же я просто не знаю...

— Ордоньес из кожи вон лезет, — сообщил я. — Это мой адмирал флота. Как и его матросы, что теперь все станут высокими чинами. Может быть, даже капитанами. Кстати, сэръ Вайтхолд, запишите...

— Ваше величество?

Я сделал вид, что не заметил шуточку, сказал деловым тоном:

— Из прибывающих из-за Большого Хребта новобранцев лучшую часть отправлять в Тараскон.

— Во флот?

— Да. Проследите, чтобы равные доли... Эх, ладно, это я лучше в Геннегау распоряджусь, чтобы проследили, а вы тут заранее отбирайте лучших для флота.

Он спросил настороженно:

— Турнедцев?

— Турнедцев, — сказал я, — вартгенцев, скарландцев и любых, что вызовутся добровольцами. А в Генегау добавят еще и сен-маринцев, армландцев и фоссановцев.

Они молчали и поглядывали друг на друга, потом сэр Каспар прошептал так тихо, что затрепетали огоньки свечей, а на стенах вздулись, как от сильного ветра, гобелены:

— Сэр Ричард... но это же почти империя...

Я посмотрел на него люто.

— Тихо. И никому ни слова.

Он ответил тем же громогласно-потрясенным шепотом:

— Я никому-никому!.. Это вырвалось... потому что в голову только что пришло.

Сэр Геллермин пробормотал:

— А мне уже приходило, но страшился о таком и подумать. Слишком как-то... и быстро.

Барон Саммерсет произнес степенно:

— Такие дела только быстро и делаются. Если медленно и неспешно... кто бы нам из соседей позволил? А так не успели глаза со сна продрать, почесаться и назеваться, как их и накрыли мокрым одеялом.

Я сказал строго:

— Но пока о таком забудьте, иначе... тьфу-тьфу!.. все гавкнется. Даже между собой чтоб не хрюкали на эту тему, ясно?

— Тьфу-тьфу, — ответил сэр Клемент.

— Тьфу-тьфу, — подхватил сэр Каспар и поплевал через плечо на сэра Геллермина.

— Тьфу-тьфу, — присоединился к ним сэр Геллермин и перекрестился.

— Тьфу-тьфу, — барон Саммерсет поплевал через

плечо на сэра Геллермина, перекрестился и показал две фиги себе за спину в сторону подсматривающего дьявола.

Я хлопнул себя по лбу:

— Ах да, еще одна проблема... нет, не проблема, мелочь, но неприятная, все время о ней вспоминаю... В Армландии у меня был заклятый враг Хоффман. Он сбежал в Турнедо, где король Гиллеберд одно время поручил ему командовать немалым войском.

Герцог сказал настороженно:

— Мы слышали. Но потом как-то все затихло.

— При известии о захвате столицы и гибели короля, — сказал я, — войско вроде бы разбежалось. Или Хоффман сам его распустил... Он не трус, но хитрая и осторожная тварь! Я предпочел бы видеть его на плахе. В общем, наведите справки. Он не мог исчезнуть без следа.

Бальза сказал льстиво:

— Но вы-то умеете...

— Нам не нужно двух таких умельцев, — отрезал я. — И так с самим собой толкаюсь, иногда догоняю и в спину бью, а потом смотрю, что это же я себя... Еще нужно создать крайне необходимую для любого культурного и гуманного общества, идущего по пути цивилизации и высокой культуры, некую важную организацию, без которой культура существовать просто не может...

Сэр Каспар, утомившись слушать мою витиеватую речь, спросил грубо:

— Что за организация? Тюрьма?

— Тюрьма у нас уже есть, — сказал я, — и по мере роста культуры она все ширше и глыбже, а виселицу мы расширили до трех петель, а сейчас думаем модернизировать до пяти, хотя висеть будут тесновато...

— А им не все равно?

— А чувство прекрасного? — парировал я. — Мы же вешаем не для них, а для зрителей! И развлечение, и воспитание наглядной агитацией, что жить нужно по Божеским законам, ибо если Господь все простит, то мы, Его помощники, ну ни в жисть! Потому на виселице, эшафоте, плахе или других воспитательных местах все должно быть красиво и соразмерно. Красота в пропорциях, как сказал Пифагор, был такой кулачный боец, хоть и простолюдин... Но мы отвлеклись малость, как мы всегда делаем, когда мимо проходит с вот такими...

Барон Саммерсет начал радостно оглядываться:

— Где?

Я указал на него кивком:

— Видите, с кем приходится работать? А вы хотите немедленно в Царство Небесное... Так вот, чтобы его построить, нам нужно создать еще одну важнейшую структуру...

Сэр Клемент, самый тугодумный, пробормотал задумчиво:

— Да уж, пять петель... гм... слишком. Придется расширять и сам помост. Так что за организация?

— Плаща и кинжала, — объяснил я.

— А-а-а, — протянул он, — это да, понятно. А что, у нас ее еще нет?

— Увы, — ответил я. — Если иметь в виду свою, а не оставшуюся от Гиллеберда.

Он воскликнул с презрением:

— Что мы за примитивы, если умеем пользоваться только чужим?.. А еще о культуре разговорчики!

— Мы только создаем общество, — объяснил я. — Как раз нам выпала честь создавать новую формацию с человеческим оскалом, где ожидается небывалый взлет культуры, гуманизма и приток инвестиций, а в этом случае без плахи... тьфу, плаща и кинжала никак, как вы сами понимаете..

— Никак, — подтвердил льстиво Бальза. — Но если будут выделены достаточные средства, то можно начинать создавать.

— Используйте старые проверенные кадры, — велел я. — Этим мастерам все равно, кому служить, а тут еще и Гиллеберда нет, у них совесть совсем чиста... ну, насколько она может быть чиста у людей этой профессии и политиков.

— С какого отдела лучше начинать? — спросил сэра Вайтхолд.

— С разведки, — ответил я. — Нам нужно знать обо всем, что делается за пределами нашего королевства. Контрразведку чуть позже, мы тут столько посуды побили, что не скоро поднимут головы.

— А разведку куда нацеливать?

Я посмотрел с неудовольствием.

— Как только гроза прошла, так о ней и забыли? А если вернется?.. Мы же не в Сен-Мари, что укрылся за Большим Хребтом! Тут совсем недавно армия Карла разгуливала...

Лорд Вигфрид помрачнел, подтянулся, Бальза и Ортенберг огляделись по сторонам, словно Карл уже в комнате.

Барон Саммерсет сказал тревожно:

— Это да. Мы к Карлу приблизились весьма...

— И ничего о нем не знаем, — сказал я жестко. — А знать нужно. Вдруг он снова поднимает армию в великий поход?

Глава 4

Отпустив лордов, пусть перетрут между собой мои повеления и установки на светлое будущее для всего человечества и для них в особенности, я пару часов заново входил в курс дел, разбирая и подписывая указы,

что подсовывал мне сэра Вайтхолд. Хотя память пока еще ни с кем не изменяет, однако надо всякий раз заново вживаться, прочувствовать, что важно, а что действительно важно.

Главное, на эйфории побед и раздаче имений, поместий и титулов нужно как можно незаметнее проводить эту громоздкую реформу армии, а также сбора налогов. Собственно сбора налогов, а уж благодаря ему и реформу армии, ибо теперь содержать буду я, если все получится, а на содержание понадобятся деньги, которые крупные феодалы королям ни в одной стране не предоставляют во избежание усиления последних.

Я сказал приподнято, уже умею так при любом случае:

— Сэр Вайтхолд, я намереваюсь завтра-послезавтра отбыть в Варт Генц. А если не получится из-за вас, черепастых, то через недельку точно.

Он изумился:

— Снова?

— Разве я не гранд? — просил я.

— Да, но Савуази грандее...

— Надо малость пограндствовать и там, — объяснил я, — а то вроде обманул их, как могут подумать.

Он изумился:

— А вы их не обманули? Правда?

Я покосился сурово, он смотрит расширенными в изумлении глазами и с распахнутым ртом.

— Сэр Вайтхолд, — сказал я, — государи никогда не обманывают. Подчеркиваю, никогда! Но, конечно, если обстоятельства меняются, то приходится какие-то мелочи корректировать даже в одностороннем порядке...

— Теперь понял, — сказал он задумчиво. — Сколько же старых слов в новом значении... Корректировка, надо же... Хорошо, ваша светлость, мы все выполним!

Я спросил с подозрением:

— А разве я что-то приказывал?

— Нет, — ответил он, — но мы ничего и не выполним! Все честно. Даже без корректировки.

— Размечтались, — сказал я саркастически. — Я на вас столько работы навалю, хребет треснет. И сам сверху сяду... А это что за бумага?.. Кто такой этот сэра Уильям Джефферсон? Что-то знакомым тянет, не могу вспомнить... И этот Энтони Чарльз Линтон... Что у меня с мозгами, какое-то дежавю... Они что, снова сговорились напасть на соседа, что на востоке? Мол, у него земли слишком много, надо делиться?

— Да, ваше вели... тьфучество, что-то и у меня с памятью, никак не запомню! Вы не могли бы притормозить с титулами?

— У самого в глазах мелькает, — признался я, — но жизнь такова, что либо вверх, либо вниз. Бывает же, что не сам выбираешь, а тебя выбирают?

Он фыркнул:

— Бывает? Да у меня, как и у всех, так постоянно. Всегда. Жизнь несет, как по реке, а хватаешься только за воду. Только перед глазами мелькают совсем не титулы... Ужинать здесь будете?

Я махнул рукой:

— Да, вели подать прямо на канцелярский стол.

— Но это же немыслимое нарушение придворного этикета и распорядка...

— Буду подавать пример, — сказал я, — как надо работать! И вообще этикет для человека, как сказал Иисус, а не человек для этикета.

Вообще-то трапезу могу еще лучше состряпать сам, благо возможности только увеличиваются от тренировок, но не стоит в глазах слуг выглядеть чернокнижником, ведь про удобства думают прежде всего они, а добрым христианам любы аскетизм и воздержание...

Сэр Вайтхолд удалился, вместо него слуга вскоре внес на блюде ломоть жареного мяса и спросил, что подать еще.

— Достаточно, — ответил я. — Государь должен быть воздержанным в пище и притязаниях.

Он удалился, я бросил мясо под стол, там лишь один раз коротко щелкнули челюсти, смачно чавкнуло, и снова тишина.

Я наделал сочного мяса, сыра, запил большой чашкой кофе, перевел дыхание и сказал Бобику:

— Охраняй кабинет. А я разомну задние лапы.

В зале сэр Вайтхолд, барон Саммерсет, виконт Каспар Волсингейн, виконт Рульф и еще несколько знатных сановников переговариваются вполголоса и поглядывают на меня с некоторым опасливым ожиданием.

Я сказал бодро и приподнято, как должен говорить и выглядеть отец народа:

— Ну-ну, заговор? Выкладывайте! Обещаю казнь через простое усекновение головы, а не вытаскивание кишок через отрезанную мошонку.

— Вы так добры, ваше святейшество, — пробормотал барон Саммерсет.

Пульф толкнул его в бок.

— Его высочество, — прошипел он.

— Чего? — не понял Саммерсет.

— Его высочество, — прошипел тот громче, чтоб слышали и на другом конце зала, — а не святейшество!

Саммерсет удивился:

— Я так сказал? Ох, простите... Сэр Ричард сегодня выглядит таким милостивым, таким одухотворенным, я уж надеялся, что и грехи нам отпустит...

— Только перед казнью, — предупредил я. — А так чего буду стараться? Отпущу, а вы тут же снова, не сходя с эшафота...

— Ох...

— Дорогие друзья, — сказал я и потер ладони, что для них понятно: я очень доволен, а это значит, что довольны будут и они, все-таки мы один боевой отряд, спаянный уже крепче, чем родные братья. — Я сообщу для вас потрясающую новость: жизнь хороша!

Они смотрели на меня настороженно. Барон Саммерсет спросил опасно:

— Правда?

— У нас громадные перспективы, — продолжал я довольным голосом.

Волсингейн заметил настороженно:

— Хорошее начало, значит, дальше будет палкой по голове...

Я сказал с укором:

— Такова ваша вера?

Волсингейн перекрестился.

— Вы имеете в виду Господа Бога?

Я перекрестился еще размашистее и посмотрел победно, дескать, а так можете? А я могу еще и через ногу.

— В Господа мы все верим, — ответил я твердо. — Он тоже верит в нас. Хотя и не во всех, конечно.

— Но вы уж замолвите за нас словечко, — сказал сэр Вайтхолд подхалимски. — За сэра Каспара не обязательно, а за нас с бароном хорошо бы...

Волсингейн оскорбился:

— Почему это за меня не обязательно? Я что, совсем пропащий?

— Нет-нет, — заверил Вайтхолд, — я совсем другое имел в виду.

— Что? — спросил Волсингейн с подозрением и набычиваясь.

— Что это мы с бароном совсем пропащие, — объяснил Вайтхолд, — за нас и заступаться бесполезно,

только свою белоснежную репутацию, как вон у сэра Ричарда, портить, а вы, напротив, и так сама святость!

— С чего это я святость? — спросил Волсингейн оскорбленно. — Вы уж выбирайте слова, дражайший сэр! А то и за меньшее перчатку к задним ногам бросают!

Я прервал в нетерпении:

— Вижу по вашим речам, дела у нас идут хорошо. Но пойдут еще лучше. Я тут составил и послал папе римскому просьбу о разрешении начать Великий Крестовый Поход против сил Зла. С обоснованием, цифрами, графиками, дорожной картой и объяснением, что это нам даст. В духовном плане, разумеется.

Сэр Вайтхолд поддакнул:

— Конечно-конечно! Мы именно все в духовном плане. И неважно, что духовенства я давно не видел, мы сами — духовенство! В смысле, духовники.

— Духовные, — поправил барон Саммерсет.

Я пояснил:

— Церковь всегда была медлительна, в этом ее сила, а мы всегда бежим впереди. Если что не так, церковь скажет, что она ни при чем, это все еретики... Так что за церковь не переживайте, она подтянется. Но это единственная мощная сила, перед которой все склоняемся... и которая может держать нас всех вместе.

Волсингейн спросил с недоверием:

— Даже в нашем случае?

— В нашем особенно, — подчеркнул я. — Сколько сражений было проиграно потому, что какой-то из лордов не изволил подчиниться королю, а возжелал отдохнуть или же, напротив, вступить в бой по своему почину?..

Волсингейн сказал с негодованием:

— Сэр Ричард, у нас такого ни разу не было!

— Потому что у нас еще не устаканилось, — пояснил я. — У нас еще период бури и натиска, а я не ко-

роль, а полевой вождь. Но стану королем, от этого отвертеться не удастся, как чувствую, и начнется феодальная вольница... Король — всего лишь один из лордов, не самый богатый и не самый могущественный. Перед ним кто-то склоняет выю, а кто-то не изволит. И только перед церковью мы все смиренно смиряем головы. Потому не я, а она и поведет нас...

Вайтхолд перекрестился, за ним перекрестились все.

— Но церковь, — поинтересовался Вайтхолд таким елейным голоском, что можно поскользнуться, — это... вы?

Игнорируя выпад, я сказал очень серьезно:

— Под нашей властью оказалось слишком много земель. Это очень рыхлое образование, что не сегодня завтра развалится. Слишком уж у всех свои интересы, и никто не желает исконно-посконные права делегировать центру. Единственное, что может нас удержать вместе...

Запнулся, обдумывая, Вайтхолд спросил настороженно:

— Что? Только не пугайте так сразу, а ласково-ласково, а то у барона сердце...

— Нас может удержать от распада только превращение всех этих земель в единый рыцарский орден, — сказал я. — Наподобие тамплиеров или тевтонцев... Может быть, слышали?.. С подчинением своего эгоистического «я» высшим интересам.

— То есть, — уточнил Вайтхолд снова, — вашим?

Я посмотрел на него зверем, но ответил так же елейно:

— А я служу Господу, ибо паладин есмь. Я как бы посредник между Ним, всевидящим и всезнающим, и вами, ничего не видящими и ничего не знающими.

— А-а-а, — протянул барон Саммерсет, — а вы, значит, что-то да видите и что-то да знаете...

— Самые опасные люди, — буркнул сэра Каспар.

— Почему? — спросил любознательный Рульф.

— А кто их знает, что они там видят и как видят, — сказал Каспар. — Лучше уж совсем не зреть, чем видеть криво и говорить уверенно: все за мной и — галопом!

Я посмотрел на него сверху вниз.

— Сэр Каспар, это нужно понимать как бунт на корабле?

Он сказал предельно испуганно:

— Что вы, сэра Ричард!.. Как посмею?.. Вам-то мы верим! Все еще.

Я кивнул и прошел дальше, стоит пройтись по всем залам, показать себя, ответить на поклоны, это же обязанности сюзерена, а самому думать, как действительно удержать воедино это аморфное образование. Пока два пути: церковь и рыцарский орден с отделениями во всех королевствах и опорными замками у переправ...

Они мне верят, мелькнула мысль. Все еще. Но времени у меня не так уж и много. Прошляпил, нужно было начинать раньше. Но все делаю первый раз, а умный я, как уже не раз себе с гордостью напоминал, на лестнице, как говорят при дамах, а без них, мол, задним умом крепок, жопой думаю.

Первое, опираться и дальше нужно только на Фитцджеральда, Волсингейна, Рульфа, Геллермина и подобных им безлошадных героев или младших сыновей именитых лордов, которым ничего не обломится при разделе родительского пирога, а у меня поживиться можно, еще как можно.

Правда, они тоже рассчитывают получить большие земельные наделы, выстроить роскошные замки, если там нет готовых, и стать крупными собственниками, могущественными лордами.

С другой стороны, их можно ловить на крючок, что крупных лордов я буду постепенно лишать прав, так

что выгоднее быть при мне, в этом случае у них права останутся.

Нет, это слишком откровенно. Про мое будущее усиление заикаться нельзя, это надо подавать как временное явление для военного периода, когда вся власть в интересах дела должна быть сосредоточена в одних руках, а потом, дескать, расслабимся, будем жрать и пить в три горла, наслаждаться победами.

Глава 5

На ночь Бобик посмотрел на меня преданно и лег у двери, дескать, никто не ворвется, всех порву, а утром я вылез из постели и чуть не упал, наступив на него босыми ногами.

— Эй, парень, — сказал я с укором. — Уже петухи пропели!

Он открыл один глаз, посмотрел с укором, какие тут петухи, откуда, никаких петухов не бывает, и захрапел снова.

Я сказал язвительно:

— Спасибо, что в постель не залез!

Он проигнорировал сарказм, знает же, зверюга, что люблю, а я оделся с помощью ошастливленных вельмож, еще двое подвигали передо мной зеркало, я осмотрел себя и одобрил изображение, ясное и высокой четкости, хорошо, благодарю за службу Отечеству.

— Спасибо, — сказал я благосклонно, — всем изволю быть доволен. И сны хороши, государственные...

Они ушли, тоже довольные, что не побил, я убрал улыбку, снилось вообще кошмарное, вручную дрался с Хаосом, переносил город еще дальше, но с постройками удалось, а людишки остались на месте, а еще и подумал: а на фиг они мне, зато в домах пошарю, я же привык собирать трофеи...

Пока никого, вытащил из ящичков стола кольца и браслеты, очень уж странное ощущение, когда надеваю. Понятно, потом привыкаешь, перестаешь замечать, но если молодожен с неделю чувствует на пальце непомерную тяжесть и неудобство простого обручального колечка и норовит снять, то это вообще...

Не люблю загадок, потому всегда для себя, не тупоголового, а основательного, разжевываю, а то и повторяю несколько раз, но сейчас вообще не понял: был ли это город магов, вырванный в последние моменты всеуничтожающей войны из пространства-времени, или же вообще что-то странное на другой планете?

И вроде бы люди, и в то же время не совсем. И почему она так удивилась, что сумел заговорить. То ли человек, как свинья, все ест и всюду вхож, то ли это я такой красивый, других вариантов в упор не зрю, сколько бы передо мной ни прыгали и хвостиками ни махали...

Сэр Вайтхолд вошел по лорд-канцлерски важно, очень собранный и настолько деловой, что мне стало стыдно за негосударственные мысли, быстро сунул пояс Хиксаны обратно в ящик, задвинул его коленом и прикинулся, что весьма мыслю.

Он остановился и терпеливо ждет, никто не смеет заговорить с лордом первым, наконец я поднял голову и произнес устало:

— Сэр Вайтхолд.

Он поклонился:

— Ваше высочество.

— Сэр Вайтхолд, — сказал я, — что там у вас? А то лицо у вас какое-то не внушающее. Или внушающее не то.

— Увы, — ответил он со вздохом, — другого у меня нет.

— Пока еще, — утешил я. — На государственной службе все становятся двуличными. Это специфика.

— Ваша светлость, — он начал подавать по одной бумаге, — это вот на уплату жалованья городским стражам, это расходы на содержание королевской конюшни, это заказ на изготовление новых светильников, а это о графе Керкегоре, который только что отказался выполнять ваше требование передать сбор налогов в руки королевских сборщиков.

Я вскинул брови:

— Чем он это объясняет?

— Законом, — ответил он. — Говорит, что всегда в своих владениях он собирал налоги, набирал на них людей, одевал, вооружал, кормил и содержал, чтобы в случае необходимости явиться с ними по вашему зову!

— Истинный патриот, — одобрил я. — Передайте, я горжусь им. Но эту досадную обязанность на всю подготовку к крестовому походу беру на себя, ибо вся армия должна быть вооружена одинаково, а не во что горазд одеть местный лорд, чтобы гордиться перед соседом.

Он чуть искривил в улыбке рот.

— Не интересно будет. Так все кичатся друг перед другом, у кого дружина с оружием получше, у кого в доспехах, а кто сумел одеть поярче...

— Идущие в крестовый поход, — сказал я внушительно, — все надевают одинаковые плащи и нашивают на грудь красные кресты установленного размера. Это армия, а не... ну, вы поняли. Мы вообще живем в цейтноте!.. Мне мало победы над Турнедо, мне надо еще, чтобы эту победу не отняли. Потому будем закрепляться всеми силами. Бросать якоря, пускать корни... как угодно!

— Ваше высочество?

— Тщательно отслеживайте, — распорядился я, — все людские потоки из северных королевств на юг, а также насколько активно идет проникновение южан на север.

Он фыркнул:

— Да и вообще, идет ли...

— Что, — спросил я, — совсем нет?

Он пожал плечами:

— Так, по каплям.

— Надо сделать север привлекательнее, — сказал я. — Начиная от песен про романтику севера и драконов, что там наворовали принцесс и стерегут золото, и вполне реалистичными обещаниями государственной поддержки частного бизнеса.

Он спросил с сомнением:

— Реалистичной?

— Точно, — заверил я. — Мощь нашей державы будет прирастать севером и его несметными богатствами.

— А там вправду несметные богатства?

— Даже более, — заверил я, — чем несметные. Их нужно будет только отрыть.

— Раскопать?

— Верно сказано, — одобрил я, — эх, заживем... если нас не затопчут. Еще проблема, как заставить герцога Готфрида принять корону Сен-Мари... так и так поворачиваю, но герцог слишком рыцарственен, чтобы не был лояльным до гроба...

Он буркнул тихонько:

— Дык Кейдан и так одной ногой в гробу. Я слышал, прихварывает...

Он быстро зыркнул на меня, проверяя впечатление.

Я отмахнулся:

— Нет, такое не пройдет. Я бы за, но он здоров как бык, и все это знают. А придушить втихую... не хочу пока злить императора. У меня не выходит из памяти, что если придет сюда войско, то вся наша армия поляжет, как ягнята перед стаей волков... Герцог Ульрих однажды в молодости видел их, до сих пор содрогается.

Он посопел, сказал нехотя:

— Значит, только добровольная передача короны?

— Да, — ответил я, — с какими-то немалыми гарантиями самому Кейдану. Но нам нужно действовать так, словно мы уже убедили герцога Готфрида. Тем более что король Кейдан отказывается от трона в пользу именно герцога Валленштейна...

Вайтхолд спросил с недоверием:

— Кейдан отказывается?

— Ну да, — подтвердил я, — а вы что, не знали?

Он покачал головой:

— Нет...

— Странно, — проворчал я. — Какой-то вы... Правда, я никому еще и не говорил, но все-таки вы же лорд-канцлер всего Турнедо! Должны бы знать, а то мне за вас как-то не совсем ловко.

Он сказал с неудовольствием:

— А сам Кейдан уже знает?

— Нет, — ответил я удивленно, — но разве это важно? Победную поступь истории затормозить нельзя!

— Но свернуть можно, — добавил он тихонько.

— Пусть только попробуют, — ответил я. — Сэр Ричард идет, как крокодил в посудной лавке, не пятясь и не сворачивая, а только грациозно помахивая шипастеньким хвостиком.

— А если Кейдан... гм... воспротивится?

Я изумился:

— Поступи истории?..

— Ну да, — сказал он осторожно, — такой вот, гм, крокодиловой поступи. Все-таки у него немалое количество сторонников в Сен-Мари. Одни не любят чужаков, даже если те лучше своих, другие за легитимность...

— Не любят чужаков, — проговорил я с неудовольствием, — пусть сволочь, зато свой?.. Долго еще придется выбивать эту дурь из голов, чтобы превратить че-

ловечество одного села в общечеловечество отдельно взятого королевства... Но мы постараемся! И ничего, если из некоторых голов выбьем вместе с мозгами. Время сейчас хорошее, дикое.

Он поклонился:

— Ваше высочество?

— Вот видишь, — одобрил я, — уже запомнил... Хорошо, остальные бумаги оставь на послеобедье. Да и вообще хрень какая-то... Не верю, что Гиллеберд подсвечники заказывал или городской страже платил. Страже должны платить городские власти из своего бюджета, подсвечники и конюшня на Бальзе...

— А вы, — спросил он почтительно, — будете ходить, засунув натруженные лапки в карманы, и посвистывать?

— Вот именно, — сказал я. — Стратег должен мыслить! А не подсвечники заказывать. Все, пойдем завтракать. Есть хочу, глаза на лоб лезут.

Мы вышли вместе, в малом зале толкутся вельможи из местных, несколько моих лордов, что поспешили навстречу и окружили меня плотным кольцом.

— Ваше высочество...

— Ваше высочество!

Я отвечал милостивым наклоном головы, Вайтхолд сказал тихонько:

— А если граф Керкегор откажется? Если будет настаивать на своих вольностях? Есть такие, упертые..

Я подумал, спросил у сэра Каспара:

— Кто там поближе к землям местного магната графа Керкегора?

— Да сэр Клемент Фитцджеральд, — ответил тот с удовольствием. — И его люди там же в замке.

— Прекрасно, — сказал я. — Сэр Вайтхолд, запишите. Пусть дружина сэра Клемента отправится к сэру Керкегору в гости. В полном составе. И продемонстри-

рует, что надо выполнять не только мои приказы, но и пожелания.

Он поклонился:

— Хорошо, так и сделаю, но...

— Что еще за «но», когда вслух говорит моя светлость... тьфу, мое высочество?

Он заколебался:

— Даже не знаю, как сказать...

— Ну-ну, говорите!

— Да больно вы гневливы, ваше величество...

— Я те дам «ваше величество», — пригрозил я. —

Что еще не так?

— Граф Керкегор очень хорош, — сказал Вайтхолд с сомнением. — И убеждать умеет. Не нужно, чтобы ваши верные люди слишком уж соприкасались с ним. А то и сэр Клемент наслушается о вольностях дворянства и начнет думать, что жить маленьким королем в своих владениях все же лучше, чем исполнять приказы большого короля.

— Нечего, — отрубил я, — поддаваться! Мои люди должны проходить проверку на прочность!.. Хотя да, вы правы, дорогой друг, а я, дурак, все еще людям верю. Сэра Клемента к нему не посылать, а разместить на землях графа Керкегора военный лагерь по подготовке новобранцев. Графу Керкегору вменить в обязанность снабжать их едой, питьем и всем необходимым. Если же заартачится...

— Заартачится, — сказал Вайтхолд убежденно. — Даже не из-за вольностей, а прокормить такую ораву будет непросто. К тому же они станут бесчинствовать в соседних селах, воровать кур и бесчестить женщин...

Мы прошли в зал, где слуги торопливо расставляют по столам последние блюда. Я отправился к тронному креслу, а сэру Вайтхолду сказал резко:

— Мелкие издержки! Подумаешь — кур воровать и

женщин брюхатить! Те и другие для того и предназначены. Если заартачится, то это уже государственная измена во время войны

Лорды следовали за нами тесной группой, жадно улавливая брызги моей мудрости.

Виконт Рульф полюбостовал:

— А с кем воюем?

Я зыркнул на него, как лев на антилопу.

— Ускоренная подготовка к войне уже почти война!.. Хорошо, вот иная формулировка: измена во время военного положения! Всякий, кто начнет отстаивать свои суверенные права, играет на руку врагу, которому так необходима наша разобщенность и всякие демократические свободы.

Он спросил тихонько:

— Какому врагу на этот раз?

Я посмотрел на него зверем:

— Всякому! Враг не дремлет, слышали?.. Нет?.. Ну что за непуганые, враг всегда не дремлет и всегда мечтает!.. А у нас враг всегда коварный, хитрый и подлый, что не соблюдает никакие договоры! Потому мы с ним и не заключаем, а если заключим, то не будем соблюдать тоже, кто соблюдает с такими?.. Это что за порция? Вы что, не видите, кто здесь сидит?

Испуганные слуги принесли целиком зажаренного оленя, я милостиво указал, откуда и сколько отрезать для такого прожорливого, и пир начался, ибо в присутствии сюзерена любая трапеза считается пиром.

Глава 6

После обеда сэр Вайтхолд намеревался снова завалить меня мелочовкой, я напомнил строго, что я и он уже не лорды поместий, где в самом деле порой каж-